

СОЦИАЛЬНЫЕ ФОРМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ВОЕНИЗИРОВАННЫХ СООБЩЕСТВ СТЕПНОЙ ЗОНЫ ЕВРАЗИИ

Вопросы дискуссии:

1. Каковы, на ваш взгляд, перспективы создания и использования «сквозных» научных классификаций военизированных сообществ и их историко-сравнительного изучения?
2. Какое значение в истории военизированных сообществ и в эволюции их социальных структур сыграли контактные (пограничные) зоны?
3. Чем объясняется уникальное и повторяющееся в социальных формах организации разных военизированных сообществ? Можно ли говорить об исторической преемственности в появлении/развитии подобных сообществ?
4. Насколько эффективно, по вашему мнению, описание историко-культурной специфики парамилитарных сообществ при помощи таких понятий, как «мужские союзы», «возрастные группы» (классы), «воинская (суб)культура»?
5. Какую роль в поддержании и в воспроизводстве социальных структур военизированных сообществ играли символы и ритуалы?
6. Каким образом сила/насилие и практики их культивирования/контроля влияли на состав, структуру и жизнедеятельность военизированных сообществ?

Участники дискуссии:

Перевалов Сергей Михайлович, кандидат исторических наук, независимый исследователь.

Петров Михаил Александрович, преподаватель, Институт философии и социально-политических наук, Южный федеральный университет.

Сень Дмитрий Владимирович, доктор исторических наук, профессор, Институт истории и международных отношений, Южный федеральный университет.

Яценко Сергей Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и теории культуры Российского государственного гуманитарного университета.

SOCIAL FORMS OF ORGANIZATION OF MILITARY COMMUNITIES IN THE EURASIAN STEPPE

Discussion questions:

1. What in your opinion are the prospects of creation and usage of “cross-cutting” scientific classifications of paramilitary communities and their historical and comparative study?
2. What is the role of contact zones (border zones) in the history of paramilitary communities and in the evolution of their social structures?
3. What explains the unique and repeating features that appear in social forms of organization of different militarized communities? Can we talk about historical continuity in the emergence or development of such communities?
4. How accurate is in your opinion the description of the historical and cultural features of paramilitary communities through the concepts “male unions”, “age groups” (“age classes”), and “military (sub)culture”?
5. What role did symbols and rituals play in maintaining and reproducing the social structures of paramilitary communities?
6. How did force and violence, their cultivation and control practices influence the structure, composition and functioning of paramilitary communities?

Participants:

Perevalov Sergey Michailovich, Candidate of Science (History), Independent Researcher.

Petrov Mikhail A. Lecturer, Institute of Philosophy and Social and Political Studies, Southern Federal University.

Sen' Dmitry V., Doctor of Science (History), Professor, Institute of History and International Relations, Southern Federal University.

Yatsenko Sergey A., Prof. Dr., Professor at the Department of History and Theory of Culture, Russian State University for the Humanities.

НОМАДЫ СТЕПНОЙ ЕВРАЗИИ: В ПОИСКАХ ОБЩЕГО НАЗВАНИЯ

С.М. Перевалов

Аннотация. Автор предлагает обзор существующих в историографии терминов для обозначения кочевых обществ евразийских степей эпохи древности и средневековья. По мнению автора, дефиниция «военизированные» сообщества не подходит к кочевникам, чьи боевые навыки не были результатом проводимой властью милитаризации, а произрастали из самого образа жизни. В статье применяется историко-сравнительный метод путем сопоставления основных институтов Европейской цивилизации, с одной стороны, и кочевого мира Евразии — с другой. Отмечается важная роль лингвистики XVIII–XIX вв. в деле установления научных критериев этнической классификации человечества. На примере тяжбы вокруг судьбы «скифского золота» из крымских музеев уделяется внимание вмешательству политики в современные споры об историческом наследии племен иранской группы народов: скифов, сарматов, аланов. Подчеркивается гуманитарный характер исторических исследований, их связь с литературной формой изложения. Последовательно разбираются и отвергаются как недостаточные термины и понятия, использующие аналогии с европейским феодальным обществом («рыцарство»), основанные на языковом или этническом единстве (скифы, аланы), формах политической организации («империи») или на уровне социального развития («варварство»). На сегодняшний день термин «номады» остается наиболее приемлемым.

Ключевые слова: Евразия, Степь, Европа, рыцарство, скифы, аланы, скифское наследие, аланское наследие, варвары, номады.

NOMADS OF EURASIAN STEPPE: IN SEARCH OF A GENERALIZING NAME

S.M. Perevalov

Abstract. The author offers an overview of the terms existing in historiography for the nomadic societies of the Eurasian steppes in the Antiquity and the Middle Ages. According to the author, the definition of “militarized” communities does not apply to nomads whose combat skills were not the result of militarization conducted by the authorities, but grew out of the lifestyle itself. The author uses the comparative method by means of comparing the main institutions of European civilization, on the one hand, and ones of the nomadic world of Eurasia, on the other. The important role of linguistics of the 18th–19th centuries in the establishment of scientific criteria for the ethnic classification of humankind is noted. The author pays attention to the interference of politics in modern disputes about the historical heritage of the nomadic Iranian-speaking tribes (Scythians, Sarmatians, Alans) using the example of litigation around the fate of “Scythian gold” (Crimean museums). The humanitarian character of historical research, the connection with the literary form of presentation is emphasized. The author consistently rejects insufficient terms and concepts that use analogies with European feudal society (“chivalry”), are based on linguistic or ethnic unity (Scythians, Alans), forms of political organization (“empire”) or level of social development (“barbarism”). The term “nomads” still remains the most acceptable.

Keywords: Eurasia, Steppe, Europe, chivalry, Scythians, Alans, Scythian heritage, barbarians, nomads.

Хотел бы начать с предварительного замечания к термину «военизированные» применительно к сообществам степной зоны Евразии. Я не уверен в правильности их отнесения к числу «военизированных». На мой взгляд, милитаризация происходит в обществах, где война и подготовка к войне отделены от гражданской жизни. Проводить политику милитаризации может государство, стоящее над народом. В кочевых обществах (а степная зона Евразии производит именно кочевников) война вырастает из самого образа жизни, номад — то же, что воин, его не нужно специально готовить к войне. Поэтому впредь я не буду использовать слово «военизированный», подразумевая при этом, что само определение кочевника, номада, включает в себя военный контекст.

Тему «степных рыцарей» можно рассматривать с разных ракурсов. В аннотации к номеру заявлено, что тематический выпуск предполагает публикацию частных исследований «социальных форм военизированных сообществ в исторической ретроспективе», что составляет предмет исторической социологии, в котором используется конкретно-исторический метод. То, что выносится на обсуждение — «социальные формы организации военизированных сообществ степной зоны Евразии» — скорее относится к общей социологии, теории или даже философии истории. Как я понимаю, нам предлагается на основе имеющихся фактов обдумать возможности составления некоей универсальной модели кочевых обществ Евразии с применением терминологии, принятой для объяснения явлений в истории, которую мы привыкли называть всеобщей, но которая по сути остается (в наших трактовках и описаниях) историей наиболее успешных сообществ, прокладывающих путь остальному человечеству¹. Таковой является история Европы (преимущественно Западной), чья историческая периодизация Античность — Средние века — Новое (потом новейшее) время, и социологическая триада дикость — варварство — цивилизация стали переноситься на соседние регионы и континенты. Этот европоцентричный подход, сыгравший важную роль в деле создания общей теории эволюции человечества, по мере накопления новых фактов стал давать сбои при попытках приспособить европейские схемы к обществам с иным путем развития, в том числе — к тем, что составляют предмет нашей дискуссии. С учетом сказанного я хотел бы сделать акцент на тех проблемах и тех трудностях, которые возникают перед историками в попытке заполнить (через создание универсальной классификации) ключ к пониманию места евразийских обществ в истории Земли, не отрицая при этом самой необходимости структурирования наших знаний о предмете. Примеры почерпнуты из периодов, лучше мне известных, а именно — древности и средневековья, но выводы, к которым я прихожу путем наблюдений за конкретными обществами, выходят за указанные временные и пространственные границы.

Выбор метода продиктован наличием бинарной смысловой оппозиции: Европа (как цивилизация) — Степь. Это сравнительно-исторический метод. Но что с

¹ Имею в виду теорию прогресса, в соответствии с которой человеческие общества делятся на «передовые» (развитые) и «отстающие» (архаичные).

чем сравнивается? В принципе, можно проводить сравнения внутри евразийского массива, рассматривая отдельные племена и сообщества как части более крупного целого – евразийского степного мира. Для нашего случая более принципиальным представляется сравнение явлений и процессов по разные стороны границы двух миров, причем мы отталкиваемся от европейских образцов, но стремимся понять кочевых евразийцев (сообразно принципу релевантной противоположности).

Особое внимание – терминологии: «Определимся с терминами и избавим мир от половины заблуждений» (Р. Декарт). Во избежание недопонимания всегда желательно (далеко не всегда получается) придерживаться принципа: одно понятие – один термин. К чему приводит нарушение этого правила, я проиллюстрирую примерами, относящимися к нашей теме, более конкретно – к опытам создания «научной классификации» кочевых обществ. Я попробую сосредоточиться на поиске подходящего общего термина, который мог бы применяться для обозначения кочевого мира евразийских степей, термина, за которым просматривается оригинальное и узнаваемое содержание. Отталкиваюсь от уже имеющихся в историографии примеров, которые считаю малопригодными по тем или иным причинам.

Пример «от противного» – в названии темы: «Степные рыцари». Использован яркий образ, в нем получило отражение степная локализация и военная специализация, но он встречает мыслительное сопротивление из-за смешения понятий. В формуле соединили несоединимое. Степь не производит рыцарей, для этого нужны совсем другие условия: природные, исторические, социальные, культурные. Известна попытка Ф. Кардини найти истоки рыцарства в евразийской степи, но даже у него речь идет именно о «истоках», или, как выражается редактор книги В.И. Уколова, о «предыстории» рыцарства [Кардини, 1987, с. 13]¹. Рыцарство *sui generis* – чисто европейский феномен [Лучицкая, 2004]. Военные группы, напоминающие рыцарские, можно найти в разных обществах, но в полном объеме комплекс признаков, характеризующих рыцарское сословие и рыцарскую культуру, сложился только в средневековой Европе. В отношении рыцарства за ее пределами П.Ю. Уваров пишет: «Институту, который возник в Западной Европе, мы пытаемся найти аналогии в обществах иных регионов и иных веков. Но не для того, чтобы представить институт рыцарства как универсальное явление, существующее повсеместно, а для того, чтобы более внятными стали специфические черты каждого из сравниваемых явлений» [Уваров, 2004, с. 6]. В вольном изложении для широкой аудитории броские метафоры проходят, в профессиональной среде будут вызывать естественные возражения. Здесь

¹ По оценке В.И. Уколовой, «утверждение Ф. Кардини, что “ветер степи шумит в древе европейского рыцарства”, кажется нам чересчур категоричным. Вопрос о роли восточных влияний в предыстории рыцарства значительно сложнее, чем он представлен в книге итальянского историка» [Кардини, 1987, с. 19].

желательно соблюдать меру в использовании риторических приемов, придерживаясь более строгих дефиниций.

Другой пример касается практики определять кочевые народы через языковую принадлежность. В современной скифо- и алановедческой литературе сложилась традиция, не ограничиваясь этнонимом, добавлять указание: *ираноязычные* скифы (сарматы, аланы)¹. В источниках такого нет, ираноязычные части аланов (которое неверно распространять на всю аланскую общность) – вывод ученых XIX–XXI вв., основанный не столько на исторических свидетельствах, сколько на ономастике и немногих (пересчитать можно на пальцах одной руки) прямых свидетельствах аланского языка. Ныне появляются версии тюрко- и нахоязычия аланов, которые, даже при недостатке надежных данных, как минимум, требуют проверки. Языковая идентификация влечет за собой этническую (с поправкой на современность – осетинскую, карачаевскую, ингушскую, чеченскую), что выливается в горячие споры вокруг аланского наследия среди представителей соответствующих национальностей. Многие ученые сейчас считают язык главным критерием в определении этнической принадлежности. Но так было не всегда. Греки и римляне, стоящие у истоков этнографического деления, не придавали языку определяющего значения. Геродот в Скифском логосе (Hdt. 1–142) перечисляет многочисленные «нравы и обычаи» скифских племен, но мало пишет о скифском языке, не считая его маркером этничности. Савроматы, хотя и говорят по-скифски (IV. 117), скифами не являются, будины – скифское племя – говорят на смешанном скифо-греческом языке (IV.108). Древние и средневековые авторы вычленяли разные народы из варварского массива по другим критериям, чем наши современники, и этот факт является предупреждением для тех, кто без предварительной критической процедуры переносит на древние названия понятия современной этнографии.

Э. Бикерман, оценивая уровень античных теорий происхождения народов, отмечал: «если современных исследователей лишить помощи лингвистики, то их успехи будут ненамного больше, чем у их греческих предшественников» [Бикерман, 2006, с. 180]. Лингвистический подход к классификации народов утвердился в результате успехов сравнительного языкознания в Новое время, особенно – с конца XVIII в. До той поры авторы в своих описаниях степных народов ориентировались на традицию, берущую начало в античности. Несмотря на неоднократную смену племенного состава, обитатели Восточной Европы (в том числе русские) именовались *скифами* в течении двух тысяч лет. Деятель до- и раннепетровской эпохи Андрей Лызлов († 1697 г.) в своей «Скифской истории» под «скифами» понимал все кочевые племена (в настоящем или прошлом) Евразии, включая скифов и массагетов Геродота, монголо-татар Батыя, крымских

¹ Привожу цитаты из статей Википедии, там же – ссылки на литературу: «Скифы (др.-греч. Σκύθης, Σκύθοι, самоназвание: *Skolotoi*) – древний кочевой ираноязычный народ» [Скифы]. «Аланы (др.-греч. Ἀλανοί, лат. *Alani, Halani*, арм. Ալանք) – ираноязычные кочевые племена скифо-сарматского происхождения» [Аланы].

татар и турок-османов [Лызлов, 1990]. В европейской историографии аналогичным образом поступал еще Э. Гиббон, определяя евразийских кочевников общим названием «скифов или татар» [Гиббон, 1998, с. 99 сл.]. Достижения сравнительного языкознания позволили внести поправки в эти представления. Г. Милман (H.H. Milman, 1791–1868), писавший несколькими десятилетиями позже, счел нужным снабдить это место Гиббона следующим примечанием (в русском переводе помечен как *Изд.*): «Сквозь их (*древних писателей*. – С.П.) противоречия и неясности мы могли расчистить себе путь только при свете новейших языков [...] Иначе он (*Гиббон*. – С.П.) не впал бы в заблуждение и не стал бы употреблять [...] безразлично названия скифов и татар». Такая индифферентность сменилась в наше время гипертрофированным вниманием к языку, в котором стали видеть воплощение национального духа до такой степени, что «гибель языка» приравнивают к гибели народа (недавний случай самосожжения удмуртского активиста, адепта неоязычества, Альберта Разина в знак протеста против федеральной политики в изучении национальных языков – тому подтверждение).

Крен в сторону этнолингвистической трактовки исторических понятий наблюдается даже в такой, твердо стоящей на земле дисциплине, как археология. Скифская археологическая культура путем подмены терминов превращается в материальную культуру скифского народа, а под скифами при признании языковой преемственности (вопрос, кстати, спорный) понимают предков современных осетин. Речь идет не только о дилетантских попытках приватизации истории. В политические игры вокруг скифского наследия втягиваются и историки. Пример – тянувшийся с 2014 г. спор о принадлежности «скифского золота». Как известно, после вхождения в 2014 г. Крыма в состав России, экспонаты нескольких крымских музеев, находившихся на временной выставке в одном из музеев Амстердаме, не были возвращены в российский Крым из-за претензий Киева. Тяжба продолжается, в борьбу включились политики, взявшие на вооружение слова из интервью (2013 г.) генерального директора Эрмитажа, академика М.Б. Пиотровского «Российской газете» (РГ): «Странно говорить о претензиях украинцев на скифское золото. Кстати, ближайшие “родственники” скифов отнюдь не украинцы и не русские, а осетины». После амстердамского «пленения» подключились осетинские деятели. Глава РСО-Алания Таймураз Мамсуров заявил, что народ Северной Осетии – Алании не может оставаться безучастным наблюдателем манипуляций со скифскими древностями, так как эти ценности являются не только предметом научного изучения, но еще и неотъемлемой частью национальной истории (*sic*) и основой культуры алан-осетин, «поскольку их скифское происхождение установлено, в том числе и европейской наукой». «Любые сведения об опасности, грозящей скифскому наследию, вызывают в Осетии широкий общественный резонанс и серьезную озабоченность». Ему вторят местные ангажированные историки. «Скифские древности, вывезенные из Крыма, могут находиться только в Крыму, поскольку именно там они были найдены и там расположены музеи, в которых они хранятся. Это место древней

Скифии, наших предков. Во всем мире известно, что осетины единственный народ, который происходит от скифо-сарматско-аланской культуры, единственный народ, сохранивший скифо-сарматскую и аланскую речь. Самыми древними жителями Крыма из ныне живущих в мире народов являются аланы-осетины, единственные, кто имеет право обозначить свои права на культурное наследие скифов», — это уже доктор исторических наук Руслан Бзаров. Тогдашний декан истфака Северо-Осетинского госуниверситета Аслан Цуциев (ныне республиканский министр по вопросам национальных отношений) высказался таким образом: «Мы обсудим эту ситуацию экспертным историческим, археологическим, музейным, культурным сообществом Осетии, потому что для нас это не чужие вещи. Они связаны непосредственно с историей нашего народа, материальной культурой нашего народа» [Украденное наследие].

Выход из ситуации предложил сам М.Б. Пиотровский. Спустя пять лет после своего интервью РГ, Михаил Пиотровский призвал отказаться от наименования «скифское золото». «Пока мы будем называть коллекцию скифским золотом, мы ничего не решим, потому что там никаких скифов нет и золота там совсем немного. Принципиальный вопрос в другом — что священные вещи из музеев, найденные на этом месте (в Крыму), вывезены» [Пиотровский призвал...]. Но в Осетии (как Северной, так и Южной) не собираются отказываться от претензий на скифское, сарматское, аланское наследие и продолжают вести борьбу за него, не ограничиваясь способами, принятыми в академическом сообществе.

Я не буду специально останавливаться на возможностях использования для «научной классификации» кочевых обществ достижений политической теории, об этом много писали, см., например, работы Н.Н. Крадина [Крадин, 2019]. Отмечу деталь, которая серьезно влияет на качество проводимых наблюдений и, соответственно, конечных выводов: большинство наших источников по кочевникам древности и раннего средневековья — внешнего происхождения, и ставят трудную, почти невыполнимую задачу перевода информации с языка первоисточника (номада) на язык автора (посредника), и далее — на язык читателя (историка) (по самой проблеме см.: [Ортега-и-Гассет, 1991]). Встречая у греческих или римских авторов всевозможных *басилеев, филархов, рексов, дуксов, нобилей*, мы не можем быть уверены, что найдем им адекватные соответствия в той системе понятий, которым пользовались номады. А перенос на кочевые общества понятий из общей теории государства и права (кочевая империя, кочевое государство, кочевой феодализм), страдает той же тягой к европейским образцам политической организации.

Еще один термин — *варвары*, который также пришел к нам от древних. Это термин имеет слишком широкое значение, охватывая собой всех негреков (в античной традиции), или общества, находящиеся на доцивилизационной ступени развития (в эволюционной схеме А. Фергюсона-Л. Моргана). Типичными варварами признаются оседлые народы Европы и Азии, но не кочевники [Первалов, 2015].

Использовать этот термин одновременно для столь отличающихся друг от друга социальных систем непродуктивно и нерационально.

Рассмотрев популярные варианты поиска обобщающего термина для кочевых сообществ Евразии: социологический по аналогии с европейским феодализмом (рыцарство), языковой и этнический (в случае со скифо-аланской гипотетической общностью), использующий политические формы типа кочевой империи или доцивилизационную стадию развития (варварство), приходим к выводу о их несоответствии природе кочевого общества. На сегодняшний день главной задачей остается работа по сбору и интерпретации конкретных фактов истории Великой Степи, а главный акцент исследований стоит сместить с теории на метод познания. Отсутствие общепринятой «научной классификации» не должно нас смущать. История – описательная дисциплина и гуманитарная наука, в ней всегда найдутся инструменты для близкого к истине отображения мира людей, отделенного от нас веками и тысячелетиями – через изучение оставшихся свидетельств прошлого и использование литературных приемов изложения. Что до той теории, которая помогла бы нам лучше понять место кочевых обществ на исторической карте Земли с учетом достижений современной науки, то поиск продолжается. Пока не найдем другого ответа, будем пользоваться поверенным термином: номады степей Евразии.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Аланы. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D0%BB%D0%B0%D0%BD%D1%8B> (дата обращения – 22 октября 2019 г.).

Бикерман Э.Дж. ORIGINES GENTIUM [1952] // *Studia historica*. Vol. VI. М., 2006. С. 158–183.

Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи. В 7-ми томах. Т. 3. СПб.: Наука, 1998 [1781]. 404 с.

Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства / пер. с ит.; вступ. ст. В.И. Уколовой; общ. ред. В.И. Уколовой и Л.А. Котельниковой. М.: Прогресс, 1987. 384 с., ил.

Крадин Н.Н. Современная дискуссия о политогенезе у кочевников-скотоводов // *Восток (Oriens)*. 2019. № 1. С. 6–23.

Лучицкая С.И. Рыцарство – уникальный феномен западноевропейского средневековья // *Одиссей. Человек в истории*. М.: Наука, 2004. С. 7–35.

Лызлов А. Скифская история / подг. текста, комм., указ. А.П. Богданов; отв. ред. Е.В. Чистякова. М.: Наука, 1990. 520 с.

Ортега-и-Гассет Х. Нищета и блеск перевода // *Что такое философия?* М.: Наука, 1991. С. 336–352.

Перевалов С.М. Скифы как номады и номады как варвары: у истоков концепции варварского номадизма // *Цивилизация и варварство: пограничье как феномен*,

состояние и культурно-историческое пространство / отв. ред. В.П. Буданова, О.В. Воробьева. М.: Аквилон, 2015. Вып. IV. С. 23–41.

Пиотровский призвал отказаться от термина «скифское золото» (13.04.2018). URL: <https://ria.ru/20180413/1518562522.html> (дата обращения – 22 октября 2019 г.).

Скифы. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BA%D0%B8%D1%84%D1%8B> (дата обращения – 22 октября 2019 г.).

Уваров П.Ю. Вступительное слово // *Одиссей. Человек в истории*. М.: Наука, 2004. С. 5–6.

Украденное наследие (21.12.2016). URL: <http://noar.ru/2016/2200> (дата обращения – 22 октября 2019 г.).

REFERENCES

Alany [Alans]. Available at: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D0%BB%D0%B0%D0%BD%D1%8B> (accessed 22 October 2019) (in Russian).

Bickerman Elias J. ORIGINES GENTIUM [1952], in *Studia historica*. Vol. VI. 2006. Pp. 158–183 (in Russian).

Gibbon E. *Istoriya upadka i razrusheniya Rimskoy imperii. V 7-mi tomakh* [The History of the Decline and Fall of the Roman Empire: In 7 volumes]. Vol. 3. St. Petersburg: Nauka Publ., 1998 [1781]. 404 p. (in Russian).

Kardini F. *Istoki srednevekovogo rytsarstva* [The origins of medieval chivalry]. М.: Progress Publ., 1987. 384 p. (in Russian).

Kradin N.N. Sovremennaya diskussiya o politogeneze u kochevnikov-skotovodov [Current discussion on the political genesis of nomadic herders], in *Vostok (Oriens)*. 2019. № 1. Pp. 6–23 (in Russian).

Luchitskaia S.I. Rytsarstvo – unikal'nyj fenomen zapadnoevropejskogo srednevekov'ya [Chivalry is a unique phenomenon of the Western European Middle Ages], in *Odissej. Chelovek v istorii*. М.: Nauka Publ., 2004. Pp. 7–35 (in Russian).

Lyzlov A. *Skifskaya istoriya* [Scythian history]. М.: Nauka Publ., 1990. 520 p. (in Russian).

Ortega-i-Gasset J. Nishcheta i blesk perevoda [Poverty and Shine of Translation], in *Chto takoe filosofiya* [What is Philosophy]. М.: Nauka Publ., 1991. Pp. 336–352 (in Russian).

Perevalov S.M. Skify kak nomady i nomady kak varvary: u istokov kontseptsii varvarskogo nomadizma [Scythians as nomads and nomads as barbarians: at the origins of the concept of the barbaric nomadism], in *Tsivilizatsiya i varvarstvo: pogranich'e kak fenomen, sostoyanie i kulturno-istoricheskoe prostranstvo*. М.: Akvilon Publ., 2015 Vyp. IV. Pp. 23–41 (in Russian).

Piotrovskiy prizval otkazat'sya ot termina "skifskoe zoloto" [Piotrovsky urged to abandon the term "Scythian gold"] (in Russian). Available at:

URL: <https://ria.ru/20180413/1518562522.html> (accessed 22 October 2019).

Skify [Scythians]. Available at: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BA%D0%B8%D1%84%D1%8B> (accessed 22 October 2019) (in Russian).

Uvarov P.Yu. Vstupitel'noe slovo [Opening speech], in *Odissej. Chelovek v istorii*. M.: Nauka Publ., 2004. Pp. 5–6 (in Russian).

Ukradennoe nasledie [Stolen heritage]. Available at: <http://noar.ru/2016/2200> (accessed 22 October 2019) (in Russian).

ЖИЗНЬ НА ПОЛЕ БРАНИ. НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О ФЕНОМЕНЕ ВОИНСКИХ СООБЩЕСТВ ЕВРАЗИИ

М.А. Петров

Аннотация. В статье автор попытался представить свой взгляд на круг проблем, предложенный для дискуссии. Поскольку сам феномен «воинского сообщества», находящийся в центре обсуждаемой проблемы представляется явлением достаточно многоаспектным и вариативным, любые связанные с ним классификации требуют известной осторожности. Без учета фундаментальных факторов историко-типологического и историко-генетического порядка, любая классификация рискует получиться произвольной и поверхностной. Автором признается исключительная, если не решающая роль контактных зон для генезиса и функционирования значительной части парамилитарных евразийских сообществ. Возникновение многих из них было следствием либо установления соседства между цивилизациями и племенной периферией, либо длительного позиционного противостояния равносильных противников. Ситуация перманентного конфликта во многом предопределила относительную унификацию не только военных технологий, но и значительного комплекса институтов, связанных с парамилитарными структурами как внутри «варварского» мира, так и в зонах его соприкосновения с цивилизациями. Вне зависимости от того, складывались ли отдельные элементы культуры пространства войны конвергентно, либо распространялись через диффузионные механизмы, их жизнеспособность определялась жестким «естественным отбором» боевых действий. Безусловно, важным аспектом культуры воинских сообществ доиндустриальной эпохи была ее глубокая ритуализация, определявшая не только формальные, но содержательные стороны деятельности воинских сообществ, включая характер боевых действий. В частности, ритуализация позволяла решать противоречия, связанные с воинским воспитанием, культивировавшем насилие, с одной стороны, но призванным обеспечить солидарность в малых, а в случае необходимости и в крупных социальных сегментах — с другой.

Ключевые слова: военные сообщества, номадизм, социально-исторические организмы, хозяйственно-культурные типы, конвергентная эволюция, культура войны, военная иерархия.

Петров Михаил Александрович, преподаватель кафедры теоретической и прикладной политологии, Институт философии и социально-политических наук Южного федерального университета, 344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42, mapetrov@sfnedu.ru.

LIFE ON THE BATTLEFIELD. SOME REFLECTIONS ON THE PHENOMENON OF MILITARY COMMUNITIES IN EURASIA

M.A. Petrov

Abstract. In the article, the author tried to present his view on the range of problems proposed for discussion. Since the phenomenon of the “warrior community” itself, which is in the center of the problem, seems to be a quite multidimensional and variable phenomenon, any classification associated with it requires some caution. Without taking into account the fundamental factors of historical-typological and historical-genetic order, any classification risks to be arbitrary and superficial. The author recognizes the exclusive, if not decisive role of contact zones for the genesis and functioning of a significant part of the paramilitary Eurasian communities. The emergence of many of them was the result of either the establishment of a neighborhood between the civilizations and the tribal periphery, or a long positional confrontation with strong opponents. The situation of permanent conflict has largely predetermined the relative unification of not only military technologies, but also a significant set of institutions associated with paramilitary structures both within the “barbaric” world and in the zones of its contact with civilizations. Regardless of whether certain elements of the culture of war space were stored convergently or distributed through diffusion mechanisms, their viability was determined by the rigid “natural selection” of hostilities. Of course, an important aspect of the culture of military communities of the pre-industrial era was its deep ritualization, which determined not only the formal aspects but also the content of the activities of military communities, including the nature of hostilities. In particular, ritualization allowed to solve the contradictions associated with military education, on the one hand cultivating violence, but on the other designed to ensure solidarity in small and, if necessary, in large social segments.

Keywords: military communities, nomadism, socio-historical organisms, economic and cultural types, convergent evolution, culture of war, military hierarchy.

Любые классификации, построенные на сложном комплексе данных, которые дает нам письменная история, археология и этнография и при этом охватывающих разные эпохи и регионы, как это ни банально звучит, должны учитывать специфику контекста. К сожалению, многие современные даже весьма титулованные авторы, часто поддаются искушению заполнить лакуны летописных сочинений уверенными реконструкциями на основании этнографических параллелей, а затем преподнести собственную гипотетическую интерпретацию как доказательство некой закономерности. При этом сходство (нередко само по себе небесспорное) отдельных черт обсуждаемого феномена выдается если не за тождество, то за близкое подобие другому, хорошо изученному и поэтому весьма удобному для «достройки» важных фрагментов общей картины. На основании подобных бескомпромиссно смелых экстраполяций воздвигаются многоступенчатые гипотезы, где социокультурные реалии восточных славян легко достраиваются на основании африканских и мезоамериканских аналогий, или скорее примеров, которые кажутся таковыми автору [Шинаков, 2002].

При изучении феномена, обозначенного в теме дискуссии как «военизированные сообщества» возникает та же опасность. Она прежде всего связана с большими различиями в источниковой базе: ряд случаев, относящихся к колониальным обществам был тщательно исследован этнографами (а в отношении некоторых подобных исследования возможны до сих пор [Хренков, 2005]), тогда как о других мы имеем крайне обрывочные и зачастую мифологизированные сведения. В последнем случае часто оказывается невозможным отделить «мифологию» конкретного сообщества, создававшуюся в том числе для дезинформации непосвященных, от связанных с ним реальных практик.

Указанные проблемы не означают, что классификации нецелесообразны. Просто любой добросовестный исследователь всегда должен иметь в виду их условный и до известной степени гипотетический характер. При этом, любая классификация парамилитарных сообществ, претендующая на объяснительный характер, так или иначе должна учитывать следующие факторы:

— культурно-исторический контекст, связанный с рассматриваемым примером. Своеобразие многих воинских культур, как известно было тесно связано с религией и системой традиций этноса/региона. Ярким примером здесь могут служить гвардейские контингенты, составлявшие из рабов, существовавшие в мусульманских странах. Хотя подобная практика не вытекала напрямую из исламских установлений, единожды возникнув она оказалась укоренена в традиции, и затем стала воспроизводиться в разных странах Ближнего и Среднего Востока. В силу этого воинские сообщества аббасидских гулямов, египетских мамлюков, а также османских и алжирских янычар, нельзя считать вполне самостоятельными примерами. Как и в случае со многими другими социокультурными феноменами, мы здесь сталкиваемся с т.н. «проблемой Гэлтона» [Коротаев, 2003 с. 557].

— стадийное состояние (уровень социокультурной сложности) социума, частью которого выступало рассматриваемое парамилитарное объединение. Данный

параметр в частности задает корреляцию между культурой военизированного сообщества и этноса в целом. Для обществ первобытности, а также для большинства переходных (варварских, либо предклассовых в марксистской терминологии) воинская культура как правило являлась культурой взрослого (иницированного) мужского населения. Т.е. военная организация здесь лишь аспект жизнедеятельности социально-исторического организма (этноса, племени, политии) а воинская культура выступает частью общей культуры, поскольку косвенно затрагивает группы населения, напрямую не участвующие в боевых действиях. По мере роста социальной сложности происходит специализация воинской функции, что означало превращение военизированного сообщества в подсистему, а присущей ему культуры – в субкультуру. Несомненно, что социальный феномен, который древневосточная традиция обозначала понятием «народ-войско» [Дьяконов, 1956, с. 323–325] во многих отношениях будет отличаться от подлинного воинского сообщества, с присущим для того набором специфических социальных ролей, особым статусом, самосознанием и корпоративной культурой. Крайним вариантом автономизации воинских сообществ была их территориальная локализация и полунезависимое существование в пограничных либо «ничейных» зонах. В последнем случае, они как будто сближались с первобытными и варварскими племенами, однако при поверхностном сходстве между ними сохранялись качественные различия: «вольные таборы» всё же оставались действующим элементом породившей их социально-политической системы, пусть и значительно сегментированным.

– исторический масштаб феномена. Его критериями можно считать хронологическую длительность существования, численность участников сообщества в разные эпохи, как относительную, так и абсолютную, территориальные границы распространения сообщества. Не могу не согласиться с мыслью А.В. Коротаева, отмечавшего, что маломасштабные социальные феномены в гораздо большей степени подвержены действию случайных факторов, и зачастую воплощают в себе широчайший спектр девиаций. Поэтому малочисленные, тяготеющие к самоизоляции и исторически кратковременные военизированные группы вряд ли уместно вносить типологические ряды наравне исторически значительными.

Роль контактных зон в возникновении и последующем функционировании военизированных сообществ, безусловно была очень велика. Те из них, которые как говорилось выше сформировались на периферии зрелых государств и существовали в качестве своеобразных «военных автономий» своему рождению обязаны исключительно сложной пограничной ситуации. Трудно переоценить значение контактных зон для конституирования традиционной, причем не только воинской, культуры евразийских кочевников. Особая набеговая культура, характер отношений с земледельческими цивилизациями, механизмы политической консолидации и структуры власти – все это прямое следствие существования контактных зон. Всё большее число исследователей склоняется к мысли, что без постоянного внешнего контакта не было бы самого кочевничества. Накопленные наукой археологические и этнографические данные давно заставили отказаться от «охотничьей» теории

возникновения кочевничества в пользу идеи о постепенно увеличивавшейся скотоводческой специализации племен, изначально ведших комплексное хозяйство [Марков, 1976], которая не была бы возможна без получения необходимых продуктов земледелия извне. И вопреки современным стандартам политкорректности, письменные и этнографические данные, по моему убеждению, демонстрируют преимущественно насильственный характер получения кочевниками благ, создаваемых земледельческими обществами.

Безусловным аргументом в пользу важности контактных зон для социополитической эволюции кочевничества Евразии, служат сравнительные данные по этнопотестарным структурам контактной зоны и степной периферии. Если на границе кочевнического и оседло-урбанистического мира работали механизмы, стимулирующие трибализацию и дальнейший рост социокультурной сложности, то в удаленных областях социальная организация кочевников как правило сохраняла свой архаичный и более аморфный характер. В ряде случаев можно говорить о регрессивной адаптации племенных групп, вытесненных из фронтальной зоны.

Развитие собственно военных сообществ (военных подсистем) кочевников в контактной зоне стимулировалось как экзоэксплуататорскими устремлениями кочевников, так и процессами культурно-технологического обмена. При этом не секрет, что долгое время кочевые скотоводы выступали по отношению к земледельцам как минимум равноправными участниками подобного обмена, а в отдельные периоды – безусловными донорами.

Как было сказано выше, любые сходства, обнаруживаемые в различных парамилитарных сообществах, не стоит преувеличивать, оставляя за скобками культурные и стадийные факторы, а также конкретно-исторические условия. Разнообразные совпадения (иногда действительно довольно значительные) на мой взгляд лучше всего объясняются с позиций концепции конвергентной эволюции, положения которой уже давно используют для анализа исторического и этнографического материала [Коротаев, 2003; Бондаренко 2000].

Военная сфера, если брать ее практические, а не ритуальные аспекты (где как раз наблюдалось куда большее разнообразие форм) вообще отличается предельной бескомпромиссностью, и отсеивает все недостаточно эффективные формы адаптации здесь происходит максимально быстро. В то же время высокий уровень совпадений объясняется стадийно-типологической близостью обществ, выступавших как единые военизированные структуры. Многие из них принадлежали к единым, либо близкородственным хозяйственно-культурным типам скотоводов-кочевников степей и полупустынь, ручных земледельцев и скотоводов горной зоны либо высокогорных скотоводов-кочевников. Применительно же к социальным суборганизмам, образовавшимся в военных автономиях пограничья, то в их случае можно говорить об адаптации к внешним условиям. Поскольку их основными противниками были те же степняки либо горцы, а поддержка государственной власти собственной страны была нерегулярной и не гарантированной, заимствование наиболее

эффективных институтов «варварского мира» становилось необходимым условием существования. Что характерно, культура воинских сообществ, прочно интегрированных в государственный механизм, заметно отличалась в сторону большей иерархичности и субординации, сравним ли мы российских казаков и стрельцов, либо провинциальные войска и пограничные силы империи Тан.

Несомненно, что свою роль сыграли и механизмы культурной трансмиссии, стремление подражать «великим предшественникам», память о которых сохранялась в фольклоре, распространяясь за пределы потестарных образований и этнических ареалов. Можно предположить, что типичная для многих кочевых объединений троичная (тернарная) военно-управленческая структура, включавшая условный центр и крылья, была не только оптимальным организационным решением, но и данью традиции, восходящей к глубокой древности.

Если говорить о такой разновидности военизированных сообществ как «мужские союзы», то на мой взгляд значение этого явления последние годы неоправданно универсализируется. То, что воплощение этого института первобытности, исследователи нередко «обнаруживают» в самых различных социальных структурах, представляется следствием чрезмерного увлечения популярным в марксистской и эволюционистской историографии методом пережитков. Между тем, сегодня всё большее число социальных феноменов, традиционно считавшихся наследием архаики, рассматривается как явления более поздних эпох, не имеющих генетической связи с первобытностью. Именно так оцениваются послепервобытные структуры, основанные на принципах родства [Коротчаев, Оболонков, 1989; Артемова, 2004, с. 87–95], похожие суждения высказываются по поводу сельской общины [Алаев, 2016; Споры об общине, 2017; Уваров, 2017; Вин, 2017] Даже если в каких-то отдельных случаях можно говорить о пережитках соответствующих традиций в сложных обществах, то мы скорее всего будем наблюдать феномен далеко оторванный от своей первоначальной основы. В любом случае, любую замеченную аналогию между этнографически засвидетельствованными традициями/практиками мужских союзов и воинских сообществ Евразии средневековья и раннего Нового времени не стоит поспешно привлекать как аргумент для широких обобщений.

Ритуальная сторона для парамилитарных, сообществ безусловно играла очень важную роль. Черты ритуализации мы повсеместно наблюдаем и в современных воинских культурах, что имеет вполне очевидные объяснения. В воинских же сообществах древности и средневековья ритуализация приобретала многоаспектный характер. Ритуал служил средством магической защиты воина как в земном (пожалуй, самое универсальное значение ритуала, актуальное и для современных «людей меча»), так и загробном мире, поскольку неблагоприятные обстоятельства смерти могли обречь душу павшего на весьма незавидную участь. О том, сколь важное значение могло придаваться правильному обращению с телом павшего в битве, свидетельствует, например случай из истории Кокандского ханства. В 1849 г. участвовавшие в карательном походе хана кочевые кыпчаки, не обнаружив среди убитых тела одного из своих предводителей, устроили среди горожан осажденного

Ура-Тюбе массовую резню, памятником которой стала «калла-минара» — башня из человеческих голов, вероятно послужившая прообразом картины В.В. Верещагина «Апофеоз войны» [Бейсембиев, 1989, с. 347].

Не менее важной функцией ритуала в воинском сообществе была консолидация его участников, превращение его в подлинное боевое братство. В этом отношении особая роль принадлежала обрядам воинской инициации, поминовения усопших и институту поборатимства.

И наконец, особо следует сказать о ритуализации самих боевых действий, породившей феномен «войны по правилам» [Петров, 2009]. Характерной чертой последней была иерархизация типов конфликта в зависимости от социальной дистанции между его участниками, когда столкновения между соседскими, либо родственными общинами имели максимально мягкий характер и ужесточались в отношении чужаков. Следование подобному «дуэльному кодексу» позволяло избегать чрезмерных жертв и при этом поддерживать необходимые воинские навыки. Кроме того, умеренный характер соседских конфликтов позволял в случае необходимости быстро объединяться против общего врага.

Рассмотренный феномен отчасти позволяет ответить и на вопрос о культуре насилия в военизированных обществах. При этом стоит отметить, что для военизированных этносоциальных организмов кроме регламентации конфликта, в роли фактора, сдерживающего эскалацию насилия выступал неспециализированный характер воинской функции. Каждый взрослый и полноправный мужчина там выполнял не только военные, но и разнообразные хозяйственные функции. Ситуация менялась в эпохи продолжительных захватнических войн, которые периодически вели кочевники и несколько реже — горцы. Значение хозяйственных занятий в подобных обстоятельствах отступало на второй план, особенно если экспансия была успешной и доходы от экзоплоатации позволяли компенсировать собственное недопроизводство. Кроме того, состояние перманентной войны создавало предпосылки для постепенной специализации отдельных общественных групп, превращения их в профессиональных воинов. Впрочем, завершение этой тенденции было возможно только при устойчивом подчинении одних групп другими. Если речь шла о покорении варварами аграрно-урбанистических цивилизаций, победители достаточно быстро встраивались в корпоративную систему новообразованного государства. Если происходило подчинение типологически близкого общества, то вместо ассимиляции победителей побежденными возникала система суперстратификации, где представители доминирующего этноса (либо его определенной части) монополизировали военную функцию, ограничивая право побежденных на ношение и применение оружия.

В этом случае культура насилия могла играть конституирующую и стабилизирующую функцию для новой системы отношений. Постепенно шло вызревание господского этоса, признававшего престижным для господствующих групп только воинские занятия и культивировавшего доминантный тип поведения в отношении неполноправных. Однако, в обществах, развивавшихся по пути

суперстратификации эта тенденция обычно не получала длительного развития, хотя конечно известны и исключения, обусловленные уникальным сочетанием факторов [Уиннингтон, 1960, с. 53–70] В обществах кочевников подобная иерархия «военных» и «пастушеских» племен с течением времени размывалась и приобретала преимущественно символический характер [Першиц 1968, с. 345].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Алаев Л.Б. Сельская община: «роман, вставленный в историю». Критический анализ теорий общины, исторических свидетельств ее развития и роли в стратифицированном обществе. М.: URSS, 2016. 480 с.

Артемова О.Ю. Охотники/собиратели и теория первобытности. М., 2004. 350 с.

Бейсембиев Т.К. Ферганские номады в Кокандском ханстве и их историографы // *Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций*. Алма-Ата: Наука, 1989. С. 345–349.

Бондаренко Д.М. «Гомологические ряды» социальной эволюции и альтернативы государству в мировой истории (постановка проблемы) // *Альтернативные пути к цивилизации*. М.: Логос, 2000. С. 198–206.

Вин Ю.Я. Средневековая сельская община как объект концептуального изучения // *Средние века*. 2017. 78 (3). С. 63–76.

Дьяконов И.М. История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н.э. М.–Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1956. 487 с.

Коротаев А.В., Оболонков А.А. Родовая организация в социально-экономической структуре классовых обществ // *Советская этнография*. 1989. № 2. С. 36–45.

Коротаев А.В. Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции. М.: Восточная литература, 2003. 278 с.

Коротаев А.В. Проблема Гэлтона (дополнительные замечания к заключительной главе) // *Мердок Дж.П. Социальная структура*. М.: ОГИ, 2003. 608 с.

Марков Г.Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М.: Изд-во МГУ, 1976. 319 с.

Першиц А.И. Общественный строй туарегов Сахары XIX в. // *Разложение родового строя и формирование классового общества*. М.: Наука, 1968. С. 320–355.

Петров М.А. Война как традиция и традиции войны // *Политическая концептология*. 2009. № 4. С. 213–223.

Споры об общине // *Средние века*. 2017. 78 (3). С. 14–40.

Уваров П.Ю. Общины, общности и медиевисты // *Средние века*. 2017. 78 (3). С. 41–62.

Уиннингтон А. Рабы прохладных гор. Преобразование архаичных общественных условий на далеких юго-западных окраинах Китая. М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. 332 с.

Хренков А. В стране свирепых сурма // *Азия и Африка сегодня*. 2005. № 5.
 Шинаков Е.А. Образование Древнерусского государства. Сравнительно-исторический аспект. Брянск, 2002. 488 с.

REFERENCES

- Alaev L.B. *Sel'skaya obshhina: "roman, vstavlennyj v istoriyu". Kriticheskij analiz teorij obshhiny', istoricheskikh svidetel'stv eyo razvitiya i roli v stratificirovannom obshhestve* [Rural community: "a novel inserted into history". Critical analysis of community theories, historical evidence of its development and role in stratified society]. M.: URSS, 2016. 480 p. (in Russian).
- Artemova O.Yu. *Okhotniki / sobirатели i teoriya pervobytnosti* [Hunters / gathers and the theory of primitiveness]. Moscow, 2004. 350 p. (in Russian).
- Bejsembiev T.K. *Ferganskie nomady' v Kokandskom khanstve i ikh istoriografy'* [Ferghana nomads in Kokand khanate and their historical graphs], in *Vzaimodejstvie kochevy'kh kul'tur i drevnikh civilizacij* [Interaction of nomadic cultures and ancient civilizations]. Alma-Ata: Nauka, 1989. Pp. 345–349 (in Russian).
- Bondarenko D.M. "Gomologicheskie ryady" soczial'noj e'voljuczii i al'ternativy' gosudarstvu v mirovoj istorii (postanovka problemy') ["Homologous series" of social evolution and alternatives to the state in world history (problem statement)], in *Al'ternativny'e puti k civilizacii* [Alternative ways to civilization]. M.: Logos, 2000. Pp. 198–206 (in Russian).
- Vin Yu.Ya. *Srednevekovaya sel'skaya obshhina kak ob'ekt konceptual'nogo izucheniya* [Medieval rural community as an object of conceptual study], in *Srednie veka*. 78 (3). M.: Nauka, 2017. Pp. 63–77 (in Russian).
- D'yakonov I.M. *Istoriya Midii ot drevnejshikh vremen do konca IV v. do n.e.'* [History of Mussels from ancient times to the end of the IV century BC]. M.-L.: Iz-vo Akademii nauk SSSR, 1956. 487 p. (in Russian).
- Korotaev A.V., Obolonkov A.A. *Rodovaya organizacziya v soczial'no-e'konomicheskoj strukture klassovy'kh obshhestv* [Generic organization in the socio-economic structure of class societies], in *Sovetskaya e'tnografiya*. 1989. № 2 (in Russian).
- Korotaev A.V. *Soczial'naya e'voljucziya: faktory', zakonomernosti, tendenczii* [Social evolution: factors, regularities, tendencies]. M.: Vostochnaya literature, 2003. 278 p. (in Russian).
- Korotaev A.V. *Problema Ge'ltona (dopolnitel'ny'e zamechaniya k zaklyuchitel'noj glave)* [Social evolution: factors, regularities, tendencies], in Merdok Dzh.P. *Soczial'naya struktura* [Social structure]. M.: OGI, 2003. 608 p. (in Russian).
- Markov G.E. *Kochevniki Azii. Struktura khozyajstva i obshhestvennoj organizaczii* [Nomads of Asia. Structure of economy and public organization]. M.: Izd-vo MGU, 1976. 319 p. (in Russian).
- Pershicz A.I. *Obshhestvennyj stroj tuaregov Sakhary' XIX v.* [Social system of the Tuareg in the XIX century], in *Razlozhenie rodovogo stroya i formirovanie klassovogo obshhestva*

[Decomposition of the tribal system and the formation of class society]. M.: Nauka, 1968. Pp. 320–355 (in Russian).

Petrov M.A. *Vojna kak tradicziya i tradiczii vojny'* [War as tradition and traditions of war], in *Politicheskaya konceptologiya*. 2009. № 4. Pp. 213–223 (in Russian).

Spory' ob obshhine, in *Srednie veka*. 78(3). M.: Nauka, 2017. Pp. 14–41 (in Russian).

Uvarov P.Yu. *Obshhiny', obshhnosti i medievisty'* [Communities, communities and Medievalists], in *Srednie veka*. 78(3). M.: Nauka, 2017. Pp. 41–63 (in Russian).

Uinnington A. *Raby' prokhladny'kh gor. Preobrazovanie arkhainny'kh obshhe-stvenny'kh uslovij na dalekikh yugo-zapadny'kh okrainakh Kitaya* [The Slaves of the cool mountains. The ancient social conditions and changes now in progress on the remote South-Western borders of China]. M.: Izdatel'stvo inostrannoj literatury', 1960. 332 p. (in Russian).

Khrenkov A. *V strane svirepy'kh surma* [In the land of ferocious Surma], in *Aziya i Afrika segodnya*. 2005. № 5 (in Russian).

Shinakov E.A. *Obrazovanie Drevnerusskogo gosudarstva. Sravnitel'no-istoricheskij aspekt* [Formation of the old Russian state. Comparative-historical aspect]. Bryansk, 2002. 488 p. (In Russian).

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ ПО ТЕМАМ ДИСКУССИИ О СПЕЦИФИКЕ ВОЕНИЗИРОВАННЫХ СООБЩЕСТВ

С.А. Яценко

Аннотация. Для классификаций военизированных групп значимыми являются длительность их существования, механизмы комплектования и поддержания, уровень легальности. Менее значимыми кажутся длительность их существования, статус лидеров и механизмы ограничения внутренних конфликтов. Вооруженные группы в пограничных районах были важны в периоды серьезных кризисов соседних могущественных политических образований; здесь возникали серии различных специфических сообществ. Историческая преемственность вооруженных групп была по ряду причин незначительной. Сходство между ними обычно было типологическим, а не генетическим из-за частого массового или полного уничтожения их членов или вмешательств государственных структур. Термины «мужские союзы», «возрастные классы» для большинства вооруженных групп не продуктивны (первый из них слишком расплывчат, второй территориально локализован). Воинские ритуалы имели очень важное регулирующее значение, снижая уровень стресса, конфликтности и избыточного насилия ко внешнему миру. Из символов наиболее значимыми были образы крупных диких животных, чье поведение отражало многие идеалы воинов. Насилие обычно специально не культивировалось в таких группах, оно регулировалось (ритуализировалось и локализовалось). Выяснение внутренних механизмов интеграции вооруженных женщин пока является неразрешимой проблемой.

Ключевые слова: военизированные сообщества и воинская субкультура, классификация, типологическая преемственность, пограничные зоны, ритуалы и символы, регуляция насилия.

Яценко Сергей Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и теории культуры Российского государственного гуманитарного университета, 125993, г. Москва, Миусская пл., 6, sergey_yatsenko@mail.ru.

SOME NOTES ON THE DISCUSSED ISSUES ABOUT PARAMILITARY COMMUNITIES

S.A. Yatsenko

Abstract. For the classification of the paramilitary groups the duration of their existence, the mechanism of provision and maintenance, the degree of legality are important, while the criteria of status of their leaders and mechanisms for limiting internal conflicts look less significant. The paramilitary groups in border areas were important during crises with the neighboring states. The historical continuity of paramilitary groups was for a number of reasons negligible. The similarities between them were usually typological, not genetic because of the frequent elimination of their members or state interference. The terms “male unions”, “age classes” for most armed groups are not productive (the first is too vague, the second is too geographically local). Military rituals had a very important regulatory value: they reduced the level of stress, conflict and excessive violence. Among the symbols the most significant were the images of big wild animals (their behavior reflected the ideals of many warriors). Violence was usually not specifically cultivated in such groups, it was regulated – ritualized and localized. The clarification of integration mechanisms for women-warriors is still an intractable problem.

Keywords: paramilitary groups and the military subculture, classification, typological continuity, border areas, rituals and symbols, regulation of violence.

Сложно говорить здесь обо всем множестве типов военизированных сообществ в целом, т.к. реально более всего меня интересовали как исследователя кочевые племена степной и северной пустынной зон Евразии и отчасти — горские народы (особенно на Кавказе и в Центральной Азии), а в целом я куда лучше знаю материалы по Евразии. Вкратце моя реакция на вопросы Редколлегии будет такова.

Серию **классификаций** таких сообществ можно без особых усилий создать, используя разные критерии. Но надо ясно понимать, для чего нам такие классификации нужны, *как они будут работать?* И какого рода военизированные сообщества мы собираемся в них включать? Ярко выраженные, сеявшие вокруг всеобщий страх и ненависть, идеальные военные машины милитаристских империй, подобных поздней Ассирии? Сообщества, во многом специализировавшиеся на захвате и продаже рабов? Группы, жившие за счет регулярного захвата в набегах ценного скота (лошадей и т.п.), заложников и немногих портативных ценных вещей? Группировки, налажавшие на слабых соседей сравнительно стабильную дань? Различные коллективы охранников? Речь будет идти о целых этнокультурных группах или политиях с более выраженной милитаристской специализацией, или же лишь об их военизированных сегментах (вроде профессиональных дружин, гвардии правителя, сицилийской «коморры», готовивших восстания буддийских сект, лесных и пиратских банд, групп молодежи определенного возраста до создания семьи и т.п.)? Имеет ли для нас меньшую привлекательность *краткость существования* многих подобных структур, удобнее ли нам изучать более всего институции с многовековой историей (вроде швейцарской гвардии в Ватикане), или же сама краткость существования таких групп отражает некие значимые закономерности (которые еще предстоит изучить)? Существенной характеристикой сообществ с воинской специализацией мне представляются **механизмы их комплектования** (путем включения новых лиц одного социального слоя, выходцев из разных этносов, опирающихся на мигрантов и своего рода изгоев или же комплектовавшихся при поддержке государственной машины) **и разностороннего поддержания**, включая получение ресурсов. С ними связан еще один важный фактор — степень реальной внутренней устойчивости тех этнических, государственных структур или пограничных сообществ, в которые были включены такие военизированные группы. Далее — **действовали ли эти группы легально** (с санкции государственных или родоплеменных структур, религиозных лидеров), *полулегально или во многом тайно?* Куда менее значимыми представляется **механизмы снятия** обычных для таких групп *сильных стрессов, рекреации и поддержания внутреннего единства* (ореол романтики или загадочности вокруг их деятельности, пирушки, побратимство, обмен подарками, коллективное пользование пленницами, однополая любовь или изредка — половое воздержание и др.) и, в зависимости от их социальной базы, *преобладание в них коллективистских или (куда реже) индивидуалистических установок* (в идеале — с сериями парных поединков с врагами и т.п.). Возможно, стоит учитывать также особенности статуса и функционирования **лидеров** таких сообществ.

Многие подобные сообщества функционировали так или иначе (хотя бы частично или эпизодически) **в условиях Пограничья**, поэтому военно-политическая и

культурная ситуация в подобных зонах кажется принципиально важной. Часто эти сообщества создавались для охраны таких зон или вполне стихийно формировались в них для использования пограничной обстановки. Значимой была сама обстановка постоянных вольных и невольных перемещений людей (участников таких групп или их жертв) из разных этносов и государств, смешения ритуалов разнотипных способов коммуникации, воинских традиций, формирование общих культурных акцентов для обширных контактных зон. Часто военные стратегия и тактика, вооружение заимствовались у наиболее опасного и стабильного противника. Пограничье лишь изредка было местом концентрации элитных воинских групп (вроде китайских пограничных войск вдоль Великой Стены, римских вдоль дунайско-рейнского лимеса, цвета рыцарства на Святой Земле или в Прибалтике во время крестовых походов); по понятным причинам, куда чаще в нем обосновывались пусть и эпизодически значимые / опасные, но второстепенные по ресурсам и влиянию группировки. Сообщества Пограничья становились по-настоящему значимыми только в самые критические периоды для крупных этнокультурных объединений и политий. Однако здесь в условиях или меньшего или менее стабильного контроля внешних властей формировались и крепились военизированные сообщества специфических типов (казачество, бродники, пиратские команды, отряды контрабандистов и работорговцев, рыцарские ордена, беглые мятежники, кочевые племена, контролировавшие важные торговые трассы, жители полосы военных поселений). Именно в пограничных «зонах войны» проявляли себя (приобретая не только военный, но и специфический культурный опыт, социальную адаптацию) молодые воины во время первых набегов, фанатичные борцы за веру, отдельные яркие организаторы-авантюристы, известные потом силачи и фехтовальщики. Особое значение в этом плане имели, конечно, сложные в военно-политическом и бытовом плане долговременные зоны военного риска.

Мне представляется, что **не стоит преувеличивать историческую преемственность** форм организации и иных традиций в подобных сообществах, *как минимум, по трем причинам*. Во-первых, военизированные сообщества в силу своей исходной специфики (особенно — в Пограничье) частенько теряли большинство своих членов (нередко это происходило в короткий срок) и не успевали транслировать преемникам немногие установившиеся традиции. Во-вторых, многие такие сообщества сознательно истреблялись противником целиком (вспомним судьбу «братства» киликийских пиратов при Помпее в 67 г. до н.э.). От них оставались, в лучшем случае, немногочисленные легенды и исторические песни... В-третьих, в тех случаях, когда такие сообщества находились под контролем государства, последнее многократно (при разных правителях или даже при одном) меняло для них «правила игры», условия поддержки и характер контроля. Конечно, изредка встречались и сообщества, существовавшие сравнительно долгое время в довольно комфортных условиях (отряды наемной гвардии в столицах крупных стабильных держав, некоторые группировки в Пограничье, не имевшие сильных военных оппонентов или же по ряду причин широко поддерживаемые населением — вроде сицилийской мафии-«коморры» на рубеже XIX–XX вв.).

Если уникальное в социальных формах их организации часто не нуждается в объяснениях, то *сходные* институты, ритуалы и т.п. более всего объяснялись сходством суровой военной и предвоенной обстановки в которых они функционировали, трудностями комплектования и снабжения, устойчивыми военными традициями противостоящих им долговременных империй и т.п. Иными словами, ***сходство их обычно было типологическим, а не генетическим.***

Теперь немного о ряде обсуждаемых ***терминов***. Прежде всего, речь практически всегда идет о патриархальном обществе с весьма жесткой властью *зрелых или пожилых*, опытных и приобретших с возрастом влияние мужчин (их доля в конкретных общинах была небольшой на фоне численного преобладания детей и молодежи, но тем нагляднее их властные позиции). Молодым нередко «милостиво» предоставлялась лишь возможность красиво, быстро и без особой славы умереть...¹. В традиционных набегах у горских народов Кавказа предводителем отряда юных новичков бывал обычно зрелый воин, знавший местность и искусство войны, и он получал долю добычи куда больше остальных². Насколько я могу судить, ***возрастные классы*** были всерьез значимы в воинской среде лишь в одном регионе мира – в зоне африканского Сахеля (точнее – у носителей различных языковых групп в ее центральной и восточной части). Что касается термина ***«мужские союзы»***, то он выглядит весьма расплывчатым (а потому для практического использования в науке не слишком удобным). Многие из них, разумеется, не имели военизированного характера (вроде «тайных обществ» по гендерному признаку в Тропической Африке, устойчивых промысловых морских артелей у русских крестьян-поморов и т.п.). Заслуживает внимание редкая и своеобразная конкуренция между двумя и более воинскими орденами с частично сакральными функциями (ордена Ягуара и орла у ацтеков; несколько рыцарских орденов в Святой Земле).

В отличие от двух названных, термин ***«воинская субкультура»*** (об особой культуре говорить не приходится, т.к. без гражданского общества, без женщин и т.п. эти сообщества не воспроизводились) кажется весьма продуктивным, адекватным средством их характеристики и давно используется в научной практике. Не приходится сомневаться в том, что военизированные группы имели и имеют ряд общих черт в ментальности, организации и поведенческих стереотипах.

Жизнь в военизированных группах обычно означает ***повышенный стресс*** (реальные военные опасности, необходимость жесткой дисциплины, повышенные физические и иные нагрузки, отсутствие ряда смягчающих элементов обычного, «гражданского» быта и т.п.). Он, помимо прочего, приводит к повышенной конфликтности (скрытой или явной). А важнейшей функцией различных ***ритуалов*** (что понимал

¹ Ср. у известного американского певца «левого» протеста 1960-х гг. Филадельфия Окса: «...И хотя все войны в мире затевают старики, Шлют на бойню молодых на беду» (пер. С. Болотина) и предложение одного из пожилых литературных героев Ф. Искандера в «Сандро из Чегема»: «направить энергию молодежи в разумное русло кровной мести».

² У туркмен нередко брали в набеги уже мальчиков, достигших 12 лет (священное число).

еще на рубеже VI–V вв. до н.э. Кун-цзы) является как раз уменьшение риска различных конфликтов в обществе и его сегментах. Добавим к этому снижение уровня естественного для военных людей страха и необходимость признания полноправными составлявших большинство молодых мужчин (что во многих обществах происходило и происходит именно через военную деятельность), и мы признаем *очень большое регулирующее значение ритуалов* в военизированных группах. Поэтому трудно переоценить воздействие формальной и неформальной воинской субординации (вроде «дедовщины» в советской армии), ритуалов, связанных со сражением и даже с ограблением гражданского населения, насилиями над ним и т.п. (традиционная отдача города победителям «на поток и разграбление» на три дня – простейшее и популярнейшее священное число; вполне традиционное насилие руководителя победителей над женой / вдовой побежденного вражеского лидера как символ магического овладения некой территорией и т.п.).

Что касается **символов** (ярких, хорошо различимых издали и в сумерках, производящих сильное эмоциональное впечатление, с высокой и зачастую ясной всем степенью информативности), то они были необходимы для военизированных сообществ чисто практически. Не случайно многие значимые и сегодня в разных странах символы и атрибутика пришли из воинской сферы (дворянские гербы, вначале ставившиеся в Германии XII в. на боевых щитах; большинство типов знамен и штандартов; некоторые виды музыкальных инструментов; воинственные мелодии многих маршей и гимнов; специализированный костюм военных людей; простейшие инструменты для сигнализации на местности и некоторые портативные предметы подвижного и относительно аскетичного воинского быта). Важно, что в прошлом многие воинские символы были связаны с изображением **диких животных** (обычно – хищников или наиболее мощных и быстрых копытных). Мне кажется, что дело здесь (за редкими, часто неоправданно преувеличиваемыми сегодня исключениями) не в осознанных или полuosознанных проявлениях тотемизма¹, а в совсем ином. Как удачно заметил М.Л. Подольский (говоря о скифо-сибирском зверином стиле), в образе дикого зверя были «как раз те качества, которые скифами и их восточными степными соседями ценились больше всего. Независимость. Готовность в любой момент к пассионарному взрыву, к выплеску энергии в схватке, в погоне за противником (или, наоборот, когда нужно уйти от погони). Иначе говоря..., в скифском зверином стиле ярко выражены и мироощущение эпохи, и то, каким скиф хотел бы быть» [Подольский, 2010, с. 165].

Наиболее активные и существовавшие в зонах риска (на Пограничье и т.п.) военизированные общества в плане своего контингента и поддержания дисциплины обычно «ходили по лезвию ножа» между реальными (и нужными) личными качествами их участников (повышенной возбудимостью или агрессивностью,

¹ Особенно популярны ныне романтические рассказы ряда ученых о якобы распространенных в древности и раннем средневековье братствах воинов-псов, в том числе – у кочевников. Фрагментарная и невнятная историческая информация на сей счет, похоже, никого не смущает... Это сюжет с некоторых пор переместился в сферу кино и компьютерных игр.

склонностью к насилию подчас в повседневных невоенных ситуациях при хорошей физической подготовке и постоянном ношении оружия) и жесткой необходимостью их относительной дисциплинированности и уживчивости. Фактически, набор их членов шел в двух этих противоположных направлениях. Этот дисбаланс был слишком очевиден (особенно со стороны лидеров и гражданского общества), чтобы его игнорировать. Разумеется, наибольшего контроля за недисциплинированными воинами удавалось добиться в сравнительно многочисленных, устойчивых и специализировавшихся именно на войне группировках. Для этого применялись обычно строгие нормы дисциплины с суровыми наказаниями (рыцарские ордена, раннее казачество во время «походов за зипунами» и т.п.); лишь в редчайших случаях они могли быть дополнены очень эффективным самоконтролем воинов (самураи на службе семье конкретного князя-даймё). Регулярное выбывание большого числа участников в группах с наибольшим риском часто приводило к их социально / этнически смешанному и неустойчивому составу, делало управление ими вдвойне непростой задачей, заставляло лидеров периодически прибегать к различным акциям устрашения. Иное дело – традиционные группы военизированной молодежи, которые имели дело с почти безоружными соседями (вроде спартанских подростков, периодически терроризировавших илотов Мессении в ходе «криптий») или специализировались на угоне скота (как в саваннах Восточной Африки). Пройдя через период «воинской учебы», молодые мужчины создавали собственные семьи и, увы, без труда могли реализовывать свою, уже привычную, склонность к насилию в них (по отношению к женам, прислуге или рабам)...

Насилие как таковое обычно специально не культивировалось в военизированных группах (в этом случае многие участники быстро вышли бы из-под контроля). Напротив, оно по возможности *ритуализировалось и локализовалось* (над гражданским населением в «зоне войны», в течение определенного времени и т.п.).

К сожалению, письменные источники практически ничего не сообщают нам о механизмах функционирования специальных *отрядов вооруженных женщин*, которые встречались в ряде обществ на регулярной основе (гвардии, охранявшие своего правителя и мужа в Центральной Африке и, вероятно, специальные группы женщин у ряда объединений ранних кочевников в серьезных войнах; последние отразились как в письменных текстах (Her. Hist. IV, 116), так и в эпосах [Яценко, 2018, с. 48]) и или эпизодически (вроде знаменитого многотысячного корпуса «конных ведьм» во главе с Ци Ван, боровших с маньчжурскими оккупантами в Китае в 1796–1798 гг. под знаменами секты «Белый Лотос», пропагандировавшей тогда женское равноправие). Сегодня уже неплохо изучены серии могил женщин-воинов в курганных некрополях европейских скифов и сарматов. Мы знаем, что комплект их вооружения из нескольких предметов в каждом могильнике отличался от мужского (у женщин из бедных семей он выглядит как бы случайным). Дело тут, думается, не столько в пресловутой «женской слабости», сколько в представлениях конкретных сообществ о роли женщин в сражениях (в одних больших некрополях набор вооружения явно определялся возрастной группой женщин, в других – особыми традициями

каждого из нескольких кланов, хоронивших здесь) [Яценко, 2018, с. 54–57, 61, 66]. Мы не знаем, как именно поддерживались в это время боевой дух воительниц и их дисциплина, отличались ли их мотивации от мужских...

Хотя заданные Редакцией вопросы реально отсылали не к специфике кочевых группировок, а к общемировым тенденциям по военизированным сообществам, замечу, что парадоксальным образом первые, при всей их очевидной хозяйственной и прочей специфике, вполне гармонично вписываются в общую картину. Это заставило меня лишний раз задуматься: не преувеличиваем ли мы немного в этом плане особенности обществ Великой Степи на фоне других, особенно – подвижных и/или пограничных групп?

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Подольский М.Л. Зверь, который был сам по себе, или Феноменология скифского звериного стиля. СПб.: ЭлекСис, 2010. 192 с.

Яценко С.А. Женщины-воительницы ранних кочевников в больших и малых некрополях (к анализу планиграфии и уточнению статуса) // *Сходознавство*. 2018. № 82. С. 47–84.

REFERENCES

Podolsky M.L. *Zver', kotoryi byl sam po sebe, ili Fenomenologiya skifskogo zverinogo stilia* [Beast That was on Its Own or Phenomenology of Scythian Animal Style]. St-Petersburg: ElekSis, 2010. 192 p. (in Russian).

Yatsenko S.A. *Zhenshchiny-voitel'nitsy rannikh kochevnikov v bol'shikh i malykh nekropoliakh (k analizu planigrafii i utochneniiu statusa)* [Women-Warriors of the Early Nomads in the Big and Small Necropolises (the Analysis of Planigraphy and Clarification of Status)], in *Shodoznavstvo*. 2018. No. 82. Pp. 47–84 (in Russian).

ВОЕНИЗИРОВАННЫЕ СООБЩЕСТВА В ИСТОРИКО-СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ: ОБЩИЕ ПУТИ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ИЛИ ОБЩИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПОДХОДЫ?

Д.В. Сень

Аннотация. В центре внимания автора – соотношение эвристического потенциала таких понятий, как «военизированные сообщества», «мужские союзы». Анализируются исследовательские преимущества и возможные недостатки других дефиниций, а также перспективы составления научных классификаций различных парамилитарных сообществ. Формы и способы их социальной самоорганизации предлагается изучать с учетом историко-культурной, региональной и иной специфики наблюдаемого явления, которое проблематично именовать «феноменальным» или «уникальным». Объясняется, почему исторические аналогии и похожие характеристики разных военизированных сообществ не всегда корректны и могут иметь разную интерпретацию. В указанной связи автор обращает внимание на необходимые методические ограничения в ходе использования историко-сравнительного метода. Интерпретация исторического материала должна учитывать не только сходства, но и отличия даже типологически близких друг другу сообществ. Таким образом, столь важная проблема не может быть признана полностью и успешно решенной даже в случае признания типологического, а не генетического сходства разных мужских сообществ, в т.ч. парамилитарных. Многие дискуссионные вопросы, анализируемые в статье, представлены на фоне истории запорожских и донских казаков, в изучении социальных структур которых сегодня еще остаются серьезные лакуны.

Ключевые слова: историко-сравнительный метод, классификация, мужские союзы, номады, парамилитарные сообщества, типология.

Сень Дмитрий Владимирович, доктор исторических наук, профессор Института истории и международных отношений Южного федерального университета, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, dvsen@sfedu.ru.

HISTORICAL AND COMPARATIVE ASPECTS OF PARAMILITARY COMMUNITIES: THE COMMON PATH OF SOCIAL EVOLUTION OR COMMON RESEARCH METHODS?

D.V. Sen'

Abstract. The author focuses on the correlation of the heuristic potential of such concepts as “militarized communities” and “male unions”. The advantages and possible disadvantages for the research are analyzed, as well as the prospects of new scientific classifications of various paramilitary communities. It is proposed to study the forms and methods of their social self-organization taking into account the historical, cultural, regional and other specific traits of the observed phenomenon, which is problematic to call “phenomenal” or “unique”. The article explains why historical analogies of different militarized communities are not always correct to use and may have different interpretations. In this connection, the author draws attention to the necessary methodological limitations when using the historical-comparative method. The interpretation of historical material should take into account not only similarities, but also differences between even typologically close communities. Thus, such an important problem cannot be recognized completely and successfully resolved even if the typological rather than genetic similarities of different male communities, including paramilitary, are recognized. Many of the issues analyzed in the article are supplemented by the historical background of the Zaporozhian and Don Cossacks, in the study of which there are still blank spaces.

Keywords: comparative-historical method, classification, male unions, nomads, paramilitary communities, typology.

Моделируя концепцию дискуссии, мы предполагали охватить широкий конкретно-исторический материал и, вместе с тем, заострить внимание на корректности, казалось бы, «очевидных» исторических сравнений, параллелей и обобщений эмпирического материала. Предполагалось обсуждение научных классификаций военизированных сообществ, выявление общего и отличительного в истории конкретных объединений, а также сравнительное исследование их социальных форм организации (дружины, мужские объединения, казахи Войска и пр.). Планировалось уделить внимание источникам формирования и особенностям воспроизводства военизированных сообществ, их традиционным занятиям и символике воинской культуры, насилию и практикам его культивирования/контроля. Полагаю, что актуальность дискуссии может быть оценена многими специалистами, в т.ч. изучающими историю пограничных территорий и пограничных сообществ, кочевников и т.н. «кочевые империи», их взаимоотношения с оседлым миром, историю войн и конфликтов и пр. Приятным совпадением (по отношению к замыслу дискуссии) стал недавний выход в свет тематического номера авторитетного научного журнала «Stratum plus» – «Огнем и мечом. *Ferro et igni*», посвященного, в числе других номеров годовой программы указанного издания, теме войны и военного дела в истории разных культур и общностей [Stratum plus, 2019]. Между тем анализ воинского этоса и идентичностей, военной (набеговой) активности таких людей и структур был бы не столь продуктивным в научном плане, если иметь в виду только фиксацию результатов подобных явлений (завоевание соседних территорий, изъятие всевозможных материальных ресурсов, захват людей в плен и пр.).

Не менее важно исследовать формы и способы самоорганизации интересующих нас сообществ, их иерархические/гетерархические модели, от простейших до сложных типов социальной и военно-политической организации таких сообществ. Уместно обратить внимание на то, что военизированные сообщества проживали и на территории оседлого мира: это не только кочевники, как несколько категорично полагает один из участников дискуссии. Точнее, нам представляется не вполне корректным в ходе общего творческого диалога замещать «заглавное» понятие дискуссии другим, более узким по смыслу – кочевники. Наконец, еще об одном аспекте терминологии, используемой в дискуссии – в семантическом отношении «парамилитарность», «парамилитарный» (т.е. *обладающий* признаками военизованности и т.п. характеристиками) напрямую не отсылают, как полагает один из наших дискуссионщиков, к роли государства, как «стоящего над народом», в процессах милитаризации общества. Вместе с тем, стоит внимательно отнестись к замечанию М.А. Петрова о признаках именно военизированных сообществ («с присущим для того набором специфических социальных ролей, особым статусом, самосознанием и корпоративной культурой»), а также о критериях для их выделения. Правда, «малочисленные, тяготеющие к самоизоляции и исторически кратковременные военизированные группы» М.А. Петров полагает сомнительным «вносить в типологические ряды, наравне с исторически значительными». В целом мы согласны с коллегой в попытке определить структурообразующие признаки военизированных сообществ, позволяющие им адаптироваться к условиям возникновения, развития,

воспроизводства. Правда, лично для нас указанный тезис «работает», прежде всего, в соединении с эвристическим потенциалом такого необходимого (но, конечно, не единственного) понятия, как «мужские союзы», о чем подробнее – ниже. Например, проблематично уяснить статус воина-казака и военизированного образа жизни казаков без обращения к специфике обрядов их инициации, взаимоотношениям между возрастными группами и полами, к роли институтов побратимства, односумства, получения и распределения материальных благ и ресурсов (казачий дуван и пр.).

Заметим, что по отношению к истории разных военизированных сообществ сегодня все более успешно преодолеваются представления об их «природной» агрессивности и жестокости, об исключительно «грабительском» и материально обусловленном характере всевозможных походов на территорию оседлого мира, об архаичности (в смысле не столько *примитивности* как таковой, сколько в смысле исторической отсталости и в смысле т.н. «пережитка» – то ли времен первобытности, то ли «военной демократии», то ли чего-то аналогичного, но «обязательно», увы, архаичного!) традиционных для них форм социальной организации или, скажем, обретения, удержания и повышения власти и социальных статусов (рангов) в обществах такого типа. Здесь можно говорить о разных концепциях и методиках анализа конкретно-исторического материала, в т.ч. неэволюционистских (теория и история вожества, проблема соотношения раннего государства и вожества («чифдом»), типология потестарных структур у кочевников – Н.Н. Крадин и др.), в другом случае – опирающихся на концепт фронта и изучения фронтальных территорий и сообществ (А. Каппелер, Т. Барретт, Б. Боук, М. Ходарковский и др., в т.ч. российские ученые), в третьем – акцентирующих внимание на природе т.н. «мужских союзов» или «мужских сообществ» (Ю.В. Андреев, В.В. Грибовский, Ю.Ю. Карпов, М.А. Рыблова), составляющих в целом перспективные исследовательские практики изучения парамилитарных сообществ.

Другим творческим началом дискуссии, отраженным в одном из публикуемых материалов, несколько неожиданно послужило название тематического номера – «Степные рыцари», отсылающее, как изначально представлялось, к известному литературному произведению Д. Петрова-Бирюка о донских казаках XVII в. [Петров-Бирюк, 1983]¹. Кроме того, может создаться обманчивое впечатление о близости избранной нами литературной аллюзии действительно «броскому» выражению, использованному в одном произведении неакадемического свойства [Ширококорд, 2008]. Заметим, что художественные образы действительно обладают спецификой отображения исторической действительности, а литературные аллюзии особенно богаты подтекстами. Аллюзия, по К.Р. Новожиловой, «намек на литературный или общекультурный факт, входящий в тезаурус и автора, и читателя» [Новожилова, 2007, с. 84]. Такова, *во-первых*, редакционная политика – тема дискуссии всегда соотносится с темой номера, в основе трансляции которой – литературная аллюзия, изначально отсылающая к предметной ситуации других текстов

¹ «Реплику» того же названия см.: [Весов, 2009].

и, шире, исторических и культурных явлений. Аллюзия для нас — знак культурной ситуации, определенный прием для моделирования образа дискуссии, для актуализации/«припоминания» темы номера как в академическом пространстве, так и в актуальной культурной памяти. *Во-вторых*, вышесказанное не означает, что тематическое звучание темы, якобы способное вызвать в профессиональной среде «естественные возражения», соответствует *научным* взглядам выпускающих редакторов — это не так. Правда, подобная идеализация еще присутствует в научном дискурсе, например, при освещении вопроса о специфике взаимоотношений казачества и тюрко-татарского мира, или об истоках правовой и военной культуры отдельных казачьих сообществ.

Другое дело, что существует немало исследовательских ситуаций, которые позволяют указать на дополнительные теоретико-методические возможности по изучению военизированных сообществ, в т.ч. на формы и способы их (само)описания и (само)презентации. Так, в различных письменных исторических источниках неоднократно зафиксировано сравнение с рыцарями... черкесов, что является не только отражением художественного направления — романтизма, но и частью пространства российского академического исторического знания конца XVIII–XIX в. Известно о культурной самоидентификации запорожских (как городских, так и сечевых) казаков в связи с рыцарством и с рыцарской культурой [Моця, 2006, с. 144; Документи українського козацтва, 2016], на основании чего моделировалось их отношение к другим социальным обществам и даже к государственной власти. В.И. Мильчев пишет в статье, публикуемой в данном номере о том, что «запорожцы считали что казачество должно было почитаться состоянием "рыцарским", то есть благородным. Подобные воззрения были традиционным не только для Запорожья и Гетманщины, но и для всех европейских земель эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени» [Мильчев, 2019]. Интеллектуалы Речи Посполитой также активно использовали данное обозначение по отношению к запорожскому казачеству. Конечно, сегодня речь уже не идет о поиске прямых исторических параллелей (для нас очевиден тупиковый характер такого метода), напротив, возможны более строгие методические ограничения, чем, например, у А. Кондрико [Кондрико, 2012], или в пространстве еще более спорных построений [Багдасаров, 1996]. Вряд ли стоит обосновывать возможность аналогичной типологизации на основании едва ли не эссенциалистского утверждения о *предназначении* рыцарских орденов и запорожского казачества в условиях одинаковой исторической ситуации [Леп'явко, 2006]. Другое дело, если европейское рыцарство рассмотреть так тип мужского сообщества [Грибовский, 2018, с. 145] — на фоне широкой исторической палитры аналогичных мужских союзов, где находится свое законное место и для типологии казачьих сообществ [Грибовский, 2018, с. 97–172].

В продолжение терминологических сомнений, нашедших отражение в состоявшейся дискуссии — часть авторов скептически отнеслась к эвристическому потенциалу нескольких исторических и историографических понятий, ставших традиционными для описания именно интересующих нас сообществ. Прав С.М. Перевалов,

обращающий внимание на сложности в ходе интерпретации понятий, содержащихся у европейских авторов по отношению к номадам, или лингвистических данных. Например, используя «прижившиеся» среди ученых соционимы, «мы не можем быть уверены, что найдем им адекватные соответствия в той системе понятий, которым пользовались номады». Вероятно, часть сомнений можно обратить к составляющим того *метаязыка*, с помощью которого мы пытаемся найти и описать историко-культурную специфику *парамилитарных сообществ* при помощи таких понятий, как «мужские союзы», «возрастные группы» («классы»), «воинская (суб)культура». С.А. Яценко почему-то полагает «расплывчатым» понятие «мужских союзов» (хотя для такого типа объединения, очевиден, как минимум, такой существенный признак, как половая гомогенность) и не слишком «удобным для практического использования в науке». Но такие исследования сегодня демонстрируют сегодня все большую эффективность именно в объяснении особого типа социальности, распространенного в разных культурах, типологически и функционально схожих, особенно активно воспроизводимых в условиях пограничья. М.А. Петров, кажется, напрасно связывает эффективность данного подхода с «увлечением популярным в марксистской и эволюционистской историографии методом пережитков». Напротив, современные исследователи отказываются от столь традиционного подхода в объяснении феномена мужских союзов, регулярно возникающих в связи с новыми историческими условиями и применительно к новым – для своего времени – историческим общностям (например, к казачеству). Сегодня нет необходимости, доказывая тезис об историчности и эффективности такого типа социальности, как мужские союзы (которые фиксировались в евразийском пространстве даже в XIX–начале XX в.), связывать его, как пишет М.А. Петров, с *архаикой/первобытностью*. К слову, в другом исследовательском случае [Никитин, 1986; Никитин, 1987], тоже заметна уверенная попытка связать едва ли не в обязательном порядке т.н. «формационную» (по сути же – социальную) природу казачества с доклассовыми родовыми (читай – архаичными!) структурами. При этом Н.И. Никитин идет по пути еще большей маргинализации альтернативных методов изучения социальности конкретных военизированных сообществ: «Сколь бы архаичной ни выглядела социальная структура ранних казачьих общин, необходимо постоянно учитывать их довольно быструю (в исторических масштабах) эволюцию, проходившую в одном направлении – в сторону втягивания казачьих сообществ в систему развивавшихся в центре страны феодальных отношений» [Никитин, 1987, с. 242].

Другое дело, что т.н. «возрастные группы/классы» в истории военизированных сообществ где-то выделялись четко, например, среди разных казачьих сообществ [Рыблова, 2006, с. 215–244; Грибовский, 2018, с. 99, 171], где-то были менее институционализированы – напр., среди мужских сообществ горцев Кавказа (по Ю.Ю. Карпову). Особенно привлекательна мысль некоторых ученых (М.А. Рыблова и др.) о том, что основой организации ранних казачьих сообществ являлась не социальная, а возрастная стратификация, связанная с необходимостью их структурирования [Рыблова, 2006, с. 244], а также о том, что «по-настоящему значимым признавался не реальный, биологический, а социальный возраст, который определялся

прохождением индивидом и его группой обрядов специальных посвящений». Правда, намного сложнее обстоит дело с интерпретацией археологических и др. данных о существовании мужских союзов в ряде культур скифо-сарматского мира [Иванчик, 1988; Иванчик, 2005, с. 169–189; Вдовченков, 2013; Вдовченков, 2016], а в них – тех же возрастных групп (в т.ч. выделяемых некоторыми специалистами при помощи «зооморфного кода» – что вызвало скепсис со стороны С.А. Яценко, мнение которого, насколько нам известно, разделяют многие археологи и другие специалисты по древним культурам).

Наконец, обратим внимание еще на один аспект, неоднократно присутствующий в дискуссии – о допустимых пределах использования историко-сравнительного метода и эвристического потенциала различных классификаций военизированных сообществ. Конечно, не может идти и речи о некой универсальной модели кочевых обществ Евразии с применением терминологии, принятой для объяснения явлений в истории» (фраза С.М. Перевалова). Проблема не может быть признана полностью и успешно решенной даже в случае признания типологического, а не генетического сходства ряда сообществ, о чем справедливо пишет С.А. Яценко. Он же заостряет дискуссионное звучание проблемы следующим образом: «Но надо ясно понимать, для чего нам такие классификации нужны, как они будут работать? И какого рода военизированные сообщества мы собираемся в них включать?». По аналогии с мыслью М.А. Петрова, стоит критически, в известном смысле, отнестись к интерпретации конкретно-исторического материала, казалось бы, дающего убедительные аргументы для применения сравнительного метода. Ведь военизированные сообщества встречаются нам в различных концах Евразии. Не приписываем ли мы, однако, в ряде случаев возрастной и иной социальности древних и других, более близких нам по времени возникновения, мужских союзов признаки, которыми они не обладали, либо такие, которые с трудом поддаются верификации из-за недостатка одних источников и ненадежности других? Аналогичные, полагаем, сомнения находим у Ф. Боаса: «Поэтому нужно четко уяснить, что антропологическое исследование, сопоставляющее параллельные культурные феномены, чтобы проследить их историческую судьбу, предполагает аналогичное развитие аналогичных феноменов» [Боас, 1997, с. 511]. В целом же мы согласны с мнением М.А. Петрова о том, что «любые сходства, обнаруживаемые в различных парамилитарных сообществах, не стоит преувеличивать, оставляя за скобками культурные и стадийные факторы, а также конкретно-исторические условия».

Но что с чем необходимо сравнивать, применительно к теме дискуссии и, главное, зачем? *Во-первых*, чтобы как раз попытаться ответить на вопрос о корректности историко-культурных сравнений и их использования в научных исследованиях. *Во-вторых*, это необходимо для достижения т.н. «терминологического консенсуса» в целях преодоления «смешения понятий» и выхода за рамки дискуссий, ставших основными вопросами, например, казаковедения в 1980–1990-е гг. [Маркедонов, 2005]. В самом деле, сегодняшнее состояние дискуссии об этимологии слова «казак», о происхождении и типологии казачьих групп позволяет говорить только

об отдельных попытках вывести ее на новый уровень, например, путем сравнения *мужских союзов*, как структурообразующей социальной модели, у «славянско-го» казачества и сообществ тюрко-татарского мира. В-третьих, такие сравнения позволят еще больше уяснить эвристический потенциал не общих, а отличительных, несовпадающих признаков действительно *однотипных* сообществ или тех сообществ, которым порой доверчиво приписывается подобная типологическая близость, либо одна и та же культурная интерпретация. Тупиковыми, на наш взгляд, являются попытки связать социальные структуры раннего казачества с дружинной культурой Руси или с сообществами, якобы предшествовавшими донскому казачеству, т.е. до середины – второй половины XVI в. Не вполне корректным стоит признать использование исторических и этнографических «запорожских» исторических материалов при реконструкции социальных структур у раннего донского казачества. Недаром Ф. Боас отмечал, что сравнительный метод «может достичь ожидаемых им результатов лишь на основе исторического материала, полученного при исследовании всех внутренних связей каждой отдельной культуры» [Боас, 1997, с. 516]. Таким образом, масштабные обобщения, «сквозные» классификации военизированных сообществ, применение историко-сравнительного метода, задают важную исследовательскую перспективу при изучении, как правило, *генетически* не связанных друг с другом военизированных сообществ степной зоны Евразии. Но и типологическая близость таких сообществ не означает системного тождества всех их существенных характеристик, реконструкция которых к тому же затруднительна на основании «метода аналогии». Подобные направления и подходы не должны игнорировать историко-географической, культурной и иной специфики наблюдаемого явления и его составляющих. Вспоминается ироничное высказывание известного украинского историка С.А. Лепьякко, имеющее непосредственное отношение к обсуждаемым вопросам. Рассказывая на одной из конференций как раз о типологии казачьих сообществ, он обронил фразу, запомнившуюся нам в следующей формулировке: «І метелик літає, і бджола, і літак... Але всі вони це роблять по різному»¹. Вероятно, далеко не во всех случаях с историей военизированных сообществ обязательно искать и находить только *общее или похожее*: ведь и оно может означать многовариантность (а значит – различную интерпретацию!) исторического развития даже такого универсального вектора человеческой социальности, как мужские союзы.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Багдасаров В.Р. Запорожское рыцарство XV–XVIII веков // *Общественные науки и современность*. 1996. № 3. С. 112–122.

Боас Ф. Методы этнологии // *Антология исследований культуры*. Т. 1. Интерпретации культуры. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 519–527.

¹ «И мотылек летает, и пчела, и самолет. Однако все они это делают по-разному!».

- Весов В. Степные рыцари. Волгоград: Принт, 2009.
- Вдовченков Е.В. Проблема существования мужских союзов у сарматов // *Ранние формы потестарных систем*. СПб.: МАЭ РАН, 2013. С. 182–201.
- Вдовченков Е.В. Кочевнические жертвенно-поминальные комплексы («странные комплексы») III–I вв. до н.э.: социальная интерпретация явления // *Stratum plus*. 2016. № 3. С. 197–215.
- Грибовский В.В. Социальная типология казачьих сообществ // *Казачество в тюркском и славянском мирах: коллективная монография* / Отв. ред. В.В. Грибовский. В.В. Трепавлов. Казань: Институт археологии им А.Х. Халикова АН РТ, 2018. С. 94–172.
- Документи українського козацтва XVI–першої половини XVII ст.: універсали, листування, угоди, присяги / Упор. В. Брехуненко, О. Заяць, Ю. Мицик, С. Потапенко, В. Щербак. Київ: Інститут української археографії та джерелознавства ім. М.С. Грушевського НАН України, 2016. 608 с.
- Иванчик А.И. Мужские союзы и скифские вторжения в Переднюю Азию // *Советская этнография*. 1988. № 5. С. 38–48.
- Иванчик А.И. Накануне цивилизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н.э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. М., Берлин: Палеограф, 2005. 312 с.
- Кондрико А. Духовно-рыцарский аспект истории Запорожской Сечи // *Власть*. 2012. № 10. С. 65–68.
- Леп'явко С.А. Аналоги українського козацтва // *Історія українського козацтва. Нариси у двох томах* / Відповідальній редактор В.А. Смолій. Київ: Видавничий дім Києво-Могилянська академія, 2006. Т. 1. С. 102–115.
- Мильчев В.И. Оформление «казачьего сословия» при Екатерине II: действие первое (1762–1775) // *Новое прошлое/The New Past*. 2019. № 4. С. 40–59.
- Маркедонов С.М. Казачество: единство или многообразие? (проблемы терминологии и типологизации казачьих сообществ) // *Общественные науки и современность*. 2005. № 1. С. 95–108.
- Моця О.П. Українські козаки та їх рицарські аналоги в середньовічній Європі // *Історія українського козацтва. Нариси у двох томах* / Відповідальній редактор В.А. Смолій. Київ: Видавничий дім Києво-Могилянська академія 2006. Т. 1. С. 143–158.
- Никитин Н.И. О формационной природе ранних казачьих сообществ (К постановке вопроса) // *Феодализм в России*. М., 1987. С. 236–245.
- Никитин Н.И. О происхождении, структуре и социальной природе сообществ русских казаков XVI–середины XVII века // *История СССР*. 1986. № 4. С. 167–177.
- Новожилова К.Р. Стилистика повествовательного текста. Теоретические и исторические основы. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. 100 с.
- Петров-Бирюк Д. Степные рыцари. Ростов н/Д.: Ростовское книжное изд-во, 1983. 160 с.

Рыблова М.А. Донское братство: казацки сообщества на Дону в XVI–первой трети XIX века. Волгоград: ВолГУ. 2006. 544 с.

Широкорад А.Б. Запорожцы – русские рыцари. История Запорожского войска. М.: АСТ, 2008. 500 с.

Stratum plus. 2019. № 5.

REFERENCES

Bagdasarov V.R. *Zaporozhskoe rycarstvo XV–XVIII vekov* [Zaporizhzhyan knighthood of the XV–XVIII], in *Obshhestvennye nauki i sovremennost*. 1996. № 3. Pp. 112–122 (in Russian).

Boas F. *Metody jetnologii* [Methods of ethnology], in *Antologija issledovanij kul'tury*. T. 1. Interpretacii kul'tury [Anthology of cultural studies. T. 1. Interpretations of culture]. SPb.: University Book Publ., 1997. Pp. 519–527 (in Russian).

Gribovskij V.V. *Social'naja tipologija kazach'ih soobshhestv* [Social typology of Cossack communities], in *Kazachestvo v tjurkskom i slavjanskom mirah: kollektivnaja monografija* [Cossacks in the Turkic and Slavic worlds: collective monograph] / Ed. V.V. Gribovsky, V.V. Trepavlov. Kazan: Institute of Archeology of the Academy of Sciences of the RT named after A.Kh. Halikov, 2018. Pp. 94–172 (in Russian).

Dokumenti ukrains'kogo kozactva XVI–pershoi polovini XVII st.: universali, listuvannja, ugodi, prisjagi [Documents of the Ukrainian Cossacks of the 16th – the first half of the 17th century: manifests, correspondence, agreements, oaths] / Comp. V. Brehunenko, O. Zait, Y. Mitsik, S. Potapenko, V. Shcherbak. Kyiv: Mykhailo Hrushevsky Institute of Ukrainian Archeography and Source Studies NAS of Ukraine Publ., 2016. 608 p. (in Ukr.).

Ivanchik A.I. *Muzhskie sojuzy i skifskie vtorzhenija v Perednjuju Aziju* [Male Unions and Scythian Invasions of Asia Minor], in *Sovetskaja jetnografija*. 1988. № 5. Pp. 38–48 (in Russian).

Ivanchik A.I. *Nakanune civilizacii. Severnoe Prichernomor'e i stepnye kochevniki VIII–VII vv. do n.je. v antichnoj literaturnoj tradicii: fol'klor, literatura i istorija* [On the eve of civilization. Northern Black Sea region and steppe nomads of the VIIIth – VIIth centuries BC in the ancient literary tradition: folklore, literature and history]. M., Berlin: Paleograf Publ., 2005. 312 p. (in Russian).

Kondriko A. *Duhovno-rycarskij aspekt istorii Zaporozhskoj Sechi* [Spiritual-chivalrous aspect of the history of the Zaporozhian Cossack Host], in *Vlast'*. 2012. № 10. Pp. 65–68 (in Russian).

Lep'javko S.A. *Analogi ukrains'kogo kozactva* [Analogues of Ukrainian Cossacks], in *Istorija ukrains'kogo kozactva. Narisi u dvoh tomah* [History of Ukrainian Cossacks. Two-volume essays] / Editor-in-Chief V.A. Smolij. Kyiv: Publishing House of Kyiv-Mohyla Academy, 2006. Vol. 1. Pp. 102–115 (in Ukr.).

Mil'chev V.I. *Oformlenie "kazach'ego soslovija" pri Ekaterine II: dejstvie pervoe (1762–1775)* [The design of the "Cossack estate" under Catherine II: the first action (1762–1775)], in *Novoe proshloe/The New Past*. 2019. № 4 (in Russian).

Markedonov S.M. *Kazachestvo: edinstvo ili mnogoobrazie? (problemy terminologii i tipologizacii kazach'ih soobshhestv)* [Cossacks: unity or diversity? (problems of terminology and typology of Cossack communities)], in *Obshhestvennye nauki i sovremennost*. 2005. № 1. Pp. 95–108 (in Russian).

Mocja O.P. *Ukrains'ki kozaki ta ih ricars'ki analogi v seredn'ovichnij Evropi* [Ukrainian Cossacks and their knightly counterparts in medieval Europe], in *Istorija ukrains'kogo kozactva. Narisi u dvoh tomah* [History of Ukrainian Cossacks. Two-volume essays] / Editor-in-Chief V.A. Smolij. Kyiv: Publishing House of Kyiv-Mohyla Academy, 2006. Vol. 1. Pp. 143–158 (in Ukr.).

Novozhilova K.P. *Stilistika povestvovatel'nogo teksta. Teoreticheskie i istoricheskie osnovy* [The style of the narrative text. Theoretical and historical foundations]. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University, 2007. 100 p. (in Russian).

Nikitin N.I. *O formacionnoj prirode rannih kazach'ih soobshhestv (K postanovke voprosa)* [About the formation nature of the early Cossack communities (To the question)], in *Feodalizm v Rossii*. M., 1987, Pp. 236–245 (in Russian).

Nikitin N.I. *O proishozhdenii, strukture i social'noj prirode soobshhestv russkih kazakov XVI–serediny XVII veka* [About the origin, structure and social nature of the communities of Russian Cossacks of the XVI–mid XVII century], in *Istorija SSSR*. 1986. № 4. Pp. 167–177 (in Russian).

Petrov-Birjuk D. *Stepnye rycari* [Steppe Knights]. Rostov-on-Don: Rostov Book Publ. House, 1983. 160 p. (in Russian).

Ryblova M.A. *Donskoe bratstvo: kazach'i soobshhestva na Donu v XVI–pervoj treti XIX veka* [Cossack communities on the Don in the 16th–first third of the 19th century]. Volgograd: VolGU Publ., 2006. 544 p. (in Russian).

Shirokorad A.B. *Zaporozhcy – russkie rycari. Istorija Zaporozhskogo vojska* [Cossacks – Russian knights. History of the Zaporozhian Cossack Host]. M.: AST Publ., 2008. 500 p. (in Russian).

Stratum plus. 2019. № 5 (in Russian).

Vesov V. *Stepnye rycari* [Steppe knights]. Volgograd: Print Publ., 2009 (in Russian).

Vdovchenkov E.V. *Problema sushhestvovaniya muzhskih sojuzov u sarmatov* [The problem of the existence of male unions in the Sarmatians], in *Rannie formy potestarnyh system* [Early forms of potestarn systems]. SPb.: MAE RAS Publ., 2013. Pp. 182–201 (in Russian).

Vdovchenkov E.V. *Kochevnicheskie zhertvenno-pominal'nye komplekсы ("strannye komplekсы") III–I vv. do n.je.: social'naja interpretacija javlenija* [Nomad sacrificial and memorial complexes ("strange complexes") of the III–I BC: social interpretation of the phenomenon], in *Stratum plus*. 2016. № 3. Pp. 197–215 (in Russian).